

Котабо

Лексикон ускользящих вещей. 2 часть

Котабо Котабо

Лексикон ускользящих вещей. 2 часть

<https://litres.ru/74070671>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лексикон ускользящих вещей — собрание сновидений, где каждое слово становится мостом между видимым и невыразимым. Двадцать пять легенд, от «Красоты» до «Благоговения», исследуют то, что не поддаётся измерению: тишину, возвращение, улыбку, ошибку, утро, вечер, запах дождя, счастье, безымянное.

Автор не рассказывает истории — он создаёт пространство. Здесь нет персонажей, есть только состояния: ребёнок, бегущий к первому снегу; старуха, перебирающая чётки; человек, стоящий перед закатом без единой мысли. Легенды приходят как сны — без начала и конца, но с ощущением, что ты коснулся чего-то настоящего.

Это текст, который не требует понимания. Он требует присутствия. Каждая глава — как вдох перед тем, как сказать самое важное. Или как выдох после того, как всё уже сказано.

Для тех, кто не боится тишины. Для тех, кто ищет не ответы, а пространство для вопросов. Для тех, кто помнит, что луна — это зеркало, в котором отражается тот, кто смотрит.

Содержание

Легенда про сон, где красота измеряется количеством мгновений, когда ты забыл, что ты есть	5
Легенда про сон, где сострадание измеряется количеством чужих слёз, которые ты вытер, не спрашивая имени	11
Легенда про сон, где мысль измеряется количеством птиц, которые успели вылететь из головы до того, как ты их поймал	16
Легенда про сон, где дзен измеряется количеством воды, которая не знает, что она течёт	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Котабо

Лексикон ускользающих вещей. 2 часть

Легенда про сон, где красота измеряется количеством мгновений, когда ты забыл, что ты есть

(снилась тому, кто всю жизнь искал идеал, а нашёл его в трещине на асфальте, где рос одуванчик)

1.

Луна в эту ночь была не одна. Рядом с ней висела её тень — чуть темнее, чуть меньше, но такой же формы. Сновидец стоял на краю обрыва. Перед ним открывалась долина, покрытая туманом. Туман не скрывал — он подчёркивал. Каждое дерево, каждый камень, каждая травинка выступали из молочной белизны как что-то единственное в своём роде.

— Сегодня, — сказал Голос, который теперь звучал как струна, которую только что задели, — мы будем измерять то, что не нуждается в измерении. Красота — это единственная

вещь, которая становится меньше, когда её пытаются поймать.

2.

Сновидцу показали старуху. Она сидела на лавочке и вязала. Лицо её было изрезано морщинами, руки скрючены артритом, глаза слезились. Мимо прошёл юноша, отвернулся — зачем смотреть на старость? А потом оглянулся. И замер. В свете заходящего солнца морщины старухи стали похожи на карту неизведанной страны, а её руки — на корни старого дуба. Она была красива. Несмотря на. Или благодаря.

— Красота первого рода, — сказал Голос. — Та, которую не замечают сразу. Она требует времени. Или требует зрелости. Юноша отвернулся, потому что не умел смотреть. А когда оглянулся — научился. Красота старухи была в её возрасте, в её молчании, в её вязании. В том, что она ничего не доказывала.

3.

Потом ему показали цветок. Обычный полевой цветок, маленький, голубой, с пятью лепестками. Он рос в трещине асфальта, посреди города, под окнами дома, где вечно играла громкая музыка. Никто его не поливал, не сажал, не замечал. Но он цвёл. У него не было ни сада, ни подставки, ни названия. Он просто был.

— Красота второго рода, — сказал Голос. — Та, которая не просит внимания. Она растёт там, где её не ждут, и цветёт несмотря ни на что. Её не фотографируют для журналов,

не описывают в стихах. Но если ты остановишься и посмотришь на неё секунду — она подарит тебе больше, чем любой музей. Потому что она настоящая. А настоящее не нуждается в раме.

4.

В третьем сне сновидец увидел себя. Он стоял перед зеркалом и изучал своё лицо. Кривой нос, мешки под глазами, асимметричная улыбка. Он всегда считал себя некрасивым. Но сейчас, в этом странном сне, он вдруг заметил, как свет падает на его скулы, как тени ложатся на лоб, как двигаются мышцы, когда он хмурится. И он подумал: «А ведь это интересно. Это — лицо человека, который жил. Это красиво».

Голос сказал тихо (впервые за все сны он говорил шёпотом):

— Красота третьего рода. Та, которую ты видишь в себе. Она самая трудная. Мы привыкли, что красивое — это редкое, симметричное, молодое. Но лицо, которое помнит боль и радость, — оно единственное в мире. И в этой единственности — вся красота.

5.

Сновидец спросил (и голос его был как лепесток, упавший на воду):

— А что красивее всего на свете?

Ему показали младенца, который только что родился. Он лежал на груди у матери, ещё мокрый, сморщенный, некрасивый по всем стандартам. Но мать смотрела на него так,

будто видела солнце. И сновидец вдруг понял: красота — это не то, как выглядит предмет. Красота — это то, как на него смотрят. Глазами любви.

— Самое красивое, — сказал Голос, — это то, на что ты смотришь с любовью. Даже ржавая банка может быть прекрасной, если в ней кто-то вырастил цветок. Даже разбитое стекло — если оно отражает закат. Красота не в вещах. Красота в отношении. Ты можешь сделать любое утро красивым, если проснёшься с мыслью: «А ведь я живу».

6.

Потом сновидцу показали старую фотографию. Чёрно-белую, потёртую, с загнутым краем. На ней была женщина в платье сороковых годов, с причёской, которая сейчас никому не показалась бы модной. Но в её улыбке было что-то такое, от чего сновидец перестал дышать. Он спросил: «Кто это?» Голос ответил: «Твоя бабушка. Ты никогда её не видел. Она умерла до твоего рождения. Но она красива, правда?»

— Красота четвёртого рода, — сказал Голос. — Та, которая живёт вне времени. Она не стареет, не выцветает, не требует обновления. Она просто есть на старых фотографиях, в старых письмах, в старых песнях. Мы называем это ностальгией. Но на самом деле это встреча с красотой, которая пережила своих свидетелей.

7.

Перед пробуждением сновидец оказался в поле, где не было ничего. Ни травы, ни цветов, ни деревьев. Только земля,

небо и ветер. И вдруг он понял, что это поле — тоже красивое. Своей пустотой. Своей готовностью принять всё, что вырастет завтра. Своим терпением.

Голос сказал последнее (и голос был как выдох после долгого любования):

— Красота — это не совершенство. Это щель, в которую пробивается свет. Чем больше трещин, тем больше света. Не бойся трещин. Не бойся морщин. Не бойся асимметрии. Это и есть ты. А ты — красив. Несмотря на. И благодаря.

8.

Он проснулся и первым делом подошёл к зеркалу. И не отвернулся. Он смотрел на себя долго, внимательно, как на незнакомца. И незнакомец ему понравился. Он не был красавцем. Но он был — настоящим. А настоящая красота, как выяснилось, не требует ретуши.

Он вышел на улицу. Двор был серым и обычным. Но он заметил одуванчик в трещине асфальта. Заметил, как солнце золотит верхушки тополей. Заметил улыбку старухи на лавочке. Мир был полон красоты. Он просто не смотрел раньше.

Он сел на лавочку рядом со старухой. Она вязала. Он молчал. Она молчала. И это молчание было красивее всех слов на свете.

Эпилог к красоте

Теперь он ищет красивое не в галереях, а в трещинах асфальта, в морщинах старух, в своём отражении по утрам. Он

нашёл секрет: красота — это когда ты перестаёшь сравнивать и начинаешь видеть. Сравнение убивает красоту. Видение — рождает её заново каждую секунду.

Он смотрит на луну. Луна старая, в кратерах, неровная. Она прекрасна.

— Спокойной ночи, — говорит он луне.

— Спокойной ночи, — отвечает луна. — Ты тоже прекрасен.

И они оба знают, что это правда.

Легенда про сон, где сострадание измеряется количеством чужих слёз, которые ты вытер, не спрашивая имени

(снилось тому, кто всю жизнь считал себя чёрствым, а потом понял, что просто не умел плакать за двоих)

1.

Луна в эту ночь была похожа на глаз — влажный, блестящий, внимательный. Сновидец стоял посреди пустыни. Не песчаной — пустыни из лиц. Повсюду, куда ни глянь, были лица. Они не принадлежали телам. Они просто висели в воздухе, как маски, снятые с невидимых людей. Каждое лицо что-то выражало: боль, страх, одиночество, усталость.

— Сегодня, — сказал Голос, и в голосе этом впервые слышалась дрожь, — мы будем измерять то, что делает человека человеком. Сострадание — это когда чужую боль чувствуешь, как свою, но не путаешь со своей.

2.

Сновидцу показали ребёнка, который упал и разбил коленку. Ребёнок плакал. Рядом стояла мать. Она не говорила «не плачь», не говорила «сам виноват». Она просто села рядом, взяла его за руку и сказала: «Мне тоже больно. Давай

вместе потерпим минуту. А потом пойдём клеить коленку». Ребёнок перестал плакать. Не потому, что боль прошла. А потому, что его боль стала общей.

— Сострадание первого рода, — сказал Голос. — То, которое начинается с присутствия. Не нужно слов. Не нужно советов. Нужно просто сесть рядом и сказать: «Я здесь. Твоя боль — не твоя вина. И ты не один».

3.

Потом ему показали человека, который сидел на скамейке и плакал. Мимо проходили люди. Кто-то отворачивался, кто-то ускорял шаг, кто-то бросал монетку — на всякий случай. Один молодой человек остановился. Он не спросил «что случилось?». Он просто сел рядом, достал из рюкзака яблоко, разрезал пополам и протянул половину. Плачущий взял яблоко, посмотрел на него и вдруг улыбнулся сквозь слёзы.

— Сострадание второго рода, — сказал Голос. — То, которое не лечит, но даёт передышку. Яблоко не решит проблем. Но оно напомнит: в мире есть доброта. Иногда этого достаточно, чтобы прожить ещё один день.

4.

В третьем сне не было людей. Был только ветер. Ветер нёс листья, пыль, обрывки газет. И вдруг сновидец понял, что ветер — это тоже сострадание. Он не выбирает, кому дуть в лицо, а кому в спину. Он дует всем одинаково. Он не спрашивает, заслужил ли ты прохладу или заслужил ли ты бурю. Он просто даёт.

Сновидец спросил:

— У сострадания есть лицо?

— Есть, — ответил Голос. — И это лицо — не твоё и не моё. Это лицо того, кто смотрит и не отворачивается. У сострадания нет возраста, нет пола, нет национальности. Оно — как ветер. Его нельзя потрогать, но можно почувствовать.

5.

Сновидец задал самый трудный вопрос (и голос его стал влажным, как луна в эту ночь):

— А можно ли сострадать тому, кто тебя обидел?

Ему показали двух людей, которые когда-то были врагами. Один лежал в больнице. Другой пришёл его навестить. Он стоял в дверях и не знал, что сказать. Врач сказал: «Он не узнаёт никого». Тогда враг подошёл к кровати, взял руку бывшего врага и сказал: «Это я. Твой старый...». Он не договорил. Но рука, которую он держал, чуть сжалась.

— Сострадание третьего рода, — сказал Голос. — То, которое сильнее обиды. Оно не требует прощения. Оно требует только одного: увидеть в другом человека. Даже если этот человек когда-то причинил тебе боль. Особенно если причинил.

6.

Потом сновидцу показали монаха, который сидел у дороги. Мимо шла похоронная процессия. Монах встал, поклонился и заплакал. Его спросили: «Ты знал умершего?» Монах ответил: «Нет. Но умер человек. Этого достаточно, что-

бы плакать».

Сновидец замер. Он никогда не плакал по незнакомцам.

— Сострадание четвёртого рода, — сказал Голос. — То, которое не знает границ. Оно не спрашивает «кто?», не проверяет «заслужил ли?». Оно просто откликается на чужую утрату, чужую боль, чужую смерть. Это самый высокий уровень. И самый редкий. Потому что для него нужно иметь очень большое сердце. Или очень маленькую стену между собой и миром.

7.

Перед пробуждением сновидец оказался в пустой комнате. На полу лежал чужой платок, мокрый от слёз. Сновидец поднял его. Платок был тёплым. Он хотел выбросить, но рука не поднялась. Тогда он положил платок в карман. И пообещал себе: когда встретит плачущего — не пройдёт мимо.

Голос сказал последнее (и голос был как платок, которым вытирают чужие слёзы):

— Сострадание не делает боль меньше. Но оно делает её не такой одинокой. Ты не можешь убрать чужую боль. Ты можешь только сказать: «Я вижу её. И она мне не безразлична». Иногда это всё, что нужно. Иногда этого достаточно, чтобы человек не сломался.

8.

Он проснулся с влажными глазами. Он не плакал во сне — или плакал, но не помнил. Он вышел на улицу. В подворотне сидел бездомный с протянутой рукой. Обычно он проходил

мимо, бросая мелочь, не глядя. Сегодня он остановился. Он сел на корточки, посмотрел бездомному в глаза и спросил: «Как тебя зовут?»

— Саша, — ответил тот.

— Саша, — повторил сновидец. — А меня — (он назвал своё имя). Хочешь кофе?

Они пошли пить кофе. Кофе был дешёвым, из автомата. Но они пили его медленно, и молчали, и иногда смотрели друг на друга. Это не изменило жизнь бездомного. Это не спасло мир. Но в тот момент, когда они сидели рядом, со щербатыми стаканчиками в руках, мир стал чуточку теплее.

Эпилог к состраданию

Теперь он всегда носит в кармане два платка. Один — для себя. Второй — для того, кто заплачет рядом. Вторым он ни разу не использовал. Но само знание, что он есть, делает его шаги легче.

Однажды он встретил луну на рассвете. Луна спросила: «Ты научился сострадать?» Он ответил: «Учусь». Луна кивнула. И добавила: «Это самое трудное. Но без этого ты — просто механизм. С этим — ты человек».

Он не стал спорить. Он просто посмотрел на луну. А луна, как всегда, смотрела на всех. На счастливых и несчастных. На больных и здоровых. На добрых и злых. Она не выбирала. Она просто светила.

И в этом её свете было всё сострадание мира.

Легенда про сон, где мысль измеряется количеством птиц, которые успели вылететь из головы до того, как ты их поймал

(снилась тому, кто всю жизнь пытался записать всё, что думает, а потом понял, что лучшие мысли — те, что не записаны)

1.

Луна в эту ночь была как полуоткрытый глаз — не спит, но и не смотрит. Сновидец сидел в пустой комнате, за столом. Перед ним лежал чистый лист бумаги. Ручка лежала рядом. Но пальцы не двигались. Потому что в голове было пусто. Совсем пусто. И вдруг он понял, что это не пустота. Это тишина, в которой мысли только рождаются, но ещё не обрели форму.

— Сегодня, — сказал Голос (и голос был как мысль о мысли, едва уловимая), — мы будем измерять то, что не имеет ни веса, ни формы, ни времени. Мысль — это единственная вещь, которая может быть, где угодно, и нигде одновременно.

2.

Сновидцу показали птицу. Она сидела на ветке и чисти-

ла перья. Потом взлетела. Не потому, что её кто-то спугнул. Просто захотела. Она летела высоко, быстро, не зная, куда направляется. Через минуту она села на другую ветку, потом снова взлетела. Никто не знал, о чём она думает. Может быть, ни о чём.

— Мысль первого рода, — сказал Голос. — Та, что приходит и уходит, как птица. Её нельзя удержать, нельзя запереть в клетке. Можно только заметить её полёт. Если ты попытаешься поймать мысль — она умрёт. Если ты просто помотришь на неё — она останется с тобой навсегда, даже когда улетит.

3.

Потом ему показали книгу. Книга была толстая, с пожелтевшими страницами. На каждой странице была одна и та же фраза, написанная разными почерками: «Я думаю, значит, я существую». Сновидец перелистывал страницы и видел, как меняются почерки: детский, взрослый, старушечий, каллиграфический, небрежный. Все они говорили одно и то же. Но каждый — по-своему.

— Мысль второго рода, — сказал Голос. — Та, что становится общей. Ты думаешь, что твои мысли уникальны. Но если ты заглянешь в книги, в письма, в дневники — ты увидишь, что люди думали одно и то же тысячи лет. И это не обесценивает твои мысли. Это делает их частью человеческого хора.

4.

В третьем сне сновидец увидел свою собственную мысль. Она была маленькой, как светлячок, и летала вокруг его головы. Он попытался дотронуться до неё пальцем — она отлетела. Он попытался поймать её в ладони — она пролетела сквозь них. Он замер. Тогда она села ему на плечо и притихла. И он понял: мысли приходят, когда ты не гонишься за ними.

Сновидец спросил:

— Откуда берутся мысли?

— Из того места, — ответил Голос, — где тишина встречается с дыханием. Никто не знает, как это происходит. Но каждое утро, когда ты просыпаешься, первая мысль уже ждёт тебя за порогом сна. Она не спрашивает разрешения. Она просто входит.

5.

Сновидец задал вопрос, который мучил его всю жизнь (и голос его был как шёпот старой бумаги):

— А можно ли думать о том, чего нет?

Ему показали человека, который сидел в кресле и смотрел в стену. Стена была белой и пустой. Но человек видел на ней города, которые не построены, письма, которые не написаны, разговоры, которые не состоялись. Он улыбался. Потому что для него всё это было реальным.

— Мысль третьего рода, — сказал Голос. — Воображение. Она сильнее реальности, потому что может создавать миры из ничего. Ты можешь быть бедным, больным, одино-

ким — но внутри твоей головы может стоять дворец, где играет музыка. Это не побег от жизни. Это жизнь, которую ты создаёшь сам.

6.

Потом сновидцу показали ребёнка, который задавал вопросы без остановки: «Почему небо синее? Почему у кота усы? Почему я — это я?» Взрослые устали отвечать. Но ребёнок не уставал. Потому что для него мысль была не инструментом, а игрой. Он думал не для того, чтобы узнать ответ. Он думал, чтобы продолжать думать.

— Мысль четвёртого рода, — сказал Голос. — Детская. Она не знает границ, не боится ошибок, не останавливается перед словом «нельзя». Взрослые убивают эту мысль словами «это глупо» или «это невозможно». А она — самая живая из всех. Потому что она рождается из удивления. А удивление — это мать всех мыслей.

7.

Перед пробуждением сновидец оказался в своей голове. Он бродил по извилинам, как по лесу. В одном углу висела забытая мысль о завтраке. В другом — тревожная мысль о работе. В третьем — тихая, светлая мысль о ком-то, кого он любит. Он собрал их все в ладони. Они были тёплыми, как птицы. Он разжал ладони. Они разлетелись.

Голос сказал последнее (и голос был как перо, упавшее на бумагу):

— Мысль — это не то, что ты имеешь. Это то, что ты есть.

Ты не можешь остановить мысли. Ты можешь только выбирать, за какой из них следовать. Птицы всегда летят. Твой выбор — смотреть ли на них или ловить. Настоящая мудрость — смотреть и не ловить.

8.

Он проснулся и первым делом взял ручку, чтобы записать свой сон. Но ручка не писала. Чернила кончились. Он не стал искать новую. Он просто сел и посмотрел в окно. За окном летели птицы. Он не считал их. Он просто смотрел. И одна мысль, самая тихая, села к нему на плечо.

Он не стал её записывать.

Он просто позволил ей быть.

Эпилог к мысли

Теперь он не боится забыть свои мысли. Он знает: если мысль важная, она вернётся. Если нет — пусть летит. Он перестал записывать всё подряд. Он начал просто думать. Не для результата. Для процесса. И однажды он понял, что его лучшая мысль — та, которая не была высказана. Которая осталась внутри, как семя. И она растёт. Медленно. Без слов.

Двадцать третья легенда. О том, что легче воздуха, но держит небо.

Легенда про сон, где дзен измеряется количеством воды, которая не знает, что она течёт

(снилась тому, кто искал просветление в горах, а нашёл его в капле, стекающей по оконному стеклу)

1.

Луны не было. И не было темноты. Был просто дождь. Бесконечный, ровный, как дыхание. Сновидец сидел на веранде старого деревянного дома и смотрел на капли. Они стекали по стеклу, оставляя за собой тонкие дорожки. Одна капля замедлилась, встретилась с другой, слилась с ней и покати-лась дальше — уже тяжелее, быстрее. Потом упала на под-оконник. И всё.

— Сегодня, — сказал Голос, и голос этот был как сам дождь — без начала и конца, — мы не будем измерять. Мы просто будем сидеть и смотреть. Дзен — это когда ты пере-стаёшь искать смысл и начинаешь слышать дождь.

2.

Сновидцу показали чайную церемонию. Старый мастер наливал воду в чашку. Вода лилась тонкой струйкой, без плеска, без звука. Чайные листья медленно опускались на дно, кружились, как балерины, которые забыли, что они тан-цуют. Мастер поднял чашку, поднёс к губам, но не отпил.

Просто подержал в руках, почувствовал тепло и поставил обратно.

— Дзен первого рода, — сказал Голос. — Чай, который не пьют. Действие, которое не имеет цели. Ты делаешь что-то не ради результата, а ради самого дела. Наливать воду, смотреть на листья, чувствовать тепло. Этого достаточно, чтобы быть счастливым. И это называется — жить.

3.

Потом ему показали монаха, который подметал двор. Он подметал медленно, с любовью, как будто каждое движение метлы было молитвой. Мимо прошёл турист и спросил: «Зачем ты подметаешь, если через час снова нападают листья?» Монах ответил: «Я подметаю не для того, чтобы было чисто. Я подметаю, чтобы быть здесь».

— Дзен второго рода, — сказал Голос. — Работа, которая становится медитацией. Можно мыть посуду, можно идти на работу, можно просто сидеть и смотреть в стену. Если ты делаешь это полностью, не думая о том, что будет завтра — это дзен.

4.

В третьем сне не было ничего. Абсолютно. Ни дождя, ни монаха, ни чая. Только тишина. Но тишина была не пустой — она была наполненной. Как чаша, в которую ничего не налили, но она уже полна. Сновидец сидел в этой тишине и не знал, что делать. А потом понял: ничего и не нужно.

Сновидец спросил:

— Как понять, что я достиг дзен?

— Никак, — ответил Голос. — Если ты думаешь, что достиг дзен — ты уже далеко от него. Дзен — это когда нет мысли «я достиг». Это когда есть только дождь, только чай, только метла. Это когда ты перестаёшь спрашивать «зачем?» и просто есть.

5.

Сновидец задал вопрос, который пришёл сам собой (и голос его был как капля, падающая в воду):

— А можно ли достичь дзен в городе, среди шума?

Ему показали человека, который стоял на перекрёстке в час пик. Машины сигналили, люди бежали, кто-то кричал. Человек стоял неподвижно. Он не был глух и не был глуп. Он просто смотрел на облака между небоскрёбами. И внутри него была полная тишина.

— Дзен третьего рода, — сказал Голос. — Он не требует леса, гор и тишины. Он требует только одного — внутреннего пространства. Ты можешь стоять в центре Токио и быть более спокойным, чем монах в Гималаях, который всё ещё ищет. Потому что дзен — это не место. Это способ смотреть.

6.

Потом сновидцу показали реку. Она текла быстро, с шумом, с пеной. Но глубоко под поверхностью — там, где вода не видна, — было полное спокойствие. Рыбы плыли медленно, водоросли колыхались в такт внутреннему течению. И сновидец понял: дзен — это не быть неподвижным. Дзен —

это иметь глубину, где всегда тихо, даже когда поверхность бушует.

— Дзен четвёртого рода, — сказал Голос. — Когда твоя поверхность может быть шумной, но внутри — всегда тихо. Это не отстранённость. Это способность быть здесь, в центре всего, и не терять себя.

7.

Перед пробуждением сновидец слышал звук. Один звук. Колокол. Он прозвучал один раз и затих. Но звон продолжал жить в воздухе, в стенах, в теле. Сновидец не пытался удержать его. Он просто слушал, как звон затихает. И в этом затихании была вся мудрость мира.

Голос сказал последнее (и голос был как затихающий колокол):

— Дзен — это когда ты слышишь не колокол, а то, что остаётся после звона. Тишину. Она всегда была здесь. Просто колокол напомнил тебе о ней. Теперь ты знаешь. Ты можешь закрыть глаза и услышать ту же тишину. Она не требует колокола.

8.

Он проснулся от звука дождя. Дождь шёл за окном, как во сне. Он не стал вставать. Он просто лежал и слушал. И в этом слушании не было ни мыслей, ни желаний, ни «зачем». Был только дождь. И он сам. И это было больше, чем просветление.

Он подошёл к окну, провёл пальцем по стеклу, повторяя

путь упавшей капли. Она спустилась вниз, слилась с другой, упала на подоконник. Он улыбнулся. И сказал тихо, самому себе:

— Вот оно.

Не название. Не метод. Не учение. Просто капля, которая не знает, что она течёт.

Эпилог к дзен

Теперь он иногда сидит на веранде и смотрит на дождь. Иногда не смотрит. Иногда просто сидит. Люди спрашивают: «Ты медитируешь?» Он пожимает плечами: «Нет, я просто сижу». Но внутри него — та самая тишина, которую он услышал в звоне колокола. Она не требует поддержки. Она просто есть.

Он не стал монахом. Он не стал гуру. Он стал просто человеком, который может сидеть и смотреть на дождь. И этого оказалось достаточно для всей жизни.

Двадцать четвёртая легенда. О том, что не нужно искать, потому что оно уже здесь.

Легенда про сон, где вера измеряется количеством утр, в которые ты просыпаешься, хотя не знаешь зачем

(снилась тому, кто потерял всё, кроме привычки вставать с рассветом)

1.

Луна в эту ночь была похожа на потухший фонарь — старый, ржавый, но ещё не выброшенный. Сновидец шёл по пу-

стынной улице. Фонари не горели, окна были тёмными, нигде ни звука. Город спал. Или умер. Или просто притворялся. Он шёл и не знал, куда идёт. Но шёл.

— Сегодня, — сказал Голос, и голос этот был тихим, как свет в конце тоннеля, который ещё не решил, будет ли он, — мы будем измерять то, что не имеет доказательств. Вера — это когда ты продолжаешь идти по тёмной улице, не видя ни одного горящего окна.

2.

Сновидцу показали старую женщину. Она сидела у кровати больной внучки и держала её за руку. Врачи сказали, что надежды нет. Женщина не спорила. Она просто сидела и держала руку. Три дня, три ночи. На четвёртый день внучка открыла глаза.

— Вера первого рода, — сказал Голос. — Та, которая не ждёт чуда, но не перестаёт быть рядом. Она не просит, не требует, не торгуется. Она просто есть, как стул, на котором сидят, даже когда никто не встаёт.

3.

Потом ему показали человека, который сажал дерево. Дерево было маленьким, тонким, почти сухим. Человек поливал его каждый день. Прохожие говорили: «Оно не вырастет. Почва плохая. Климат не тот». Человек не отвечал. Он поливал. Прошёл год, два, пять. Дерево выросло. Тенистое, зелёное, сильное. Человек сидел под ним и улыбался.

— Вера второго рода, — сказал Голос. — Та, которая не

ждёт результата. Она просто поливает, потому что не может не поливать. Результат придёт сам, когда ты перестанешь его ждать.

4.

В третьем сне не было никого. Только пустой храм. Сновидец вошёл внутрь. В храме не было икон, не было алтаря, не было свечей. Только голые стены и тишина. Он сел на пол и закрыл глаза. Он не молился, не думал, не просил. Он просто сидел. И вдруг почувствовал, что храм — не пустой. Он полон.

Сновидец спросил:

— Кто здесь?

— Никто, — ответил Голос. — И все. Вера третьего рода. Когда ты не знаешь, кому молиться, во что верить, что искать — но ты знаешь, что есть что-то. Что-то, что держит стены, что хранит тишину, что ждёт тебя в пустом храме.

5.

Сновидец задал вопрос, который лежал у него на душе (и голос его был как треснувший колокол):

— А если моя вера оказалась ложью?

Ему показали человека, который всю жизнь верил в идею, а потом узнал, что она была неправдой. Он сидел на скамейке и смотрел в землю. Всё рухнуло. Но он сидел. Мимо прошла девочка, уронила мороженое и заплакала. Человек поднял мороженое, улыбнулся девочке и сказал: «Не плачь. Я куплю тебе новое». И пошёл в киоск.

— Вера четвёртого рода, — сказал Голос. — Та, которая не в идеях, а в поступках. Можно ошибиться в идее. Нельзя ошибиться в доброте. Если ты помог другому — даже если всё остальное рухнуло — твоя вера была настоящей.

6.

Потом сновидцу показали ребёнка, который учился ходить. Он падал, вставал, падал снова. Мать стояла рядом и не помогала. Она улыбалась. Ребёнок плакал, но вставал. Он верил, что когда-нибудь сможет идти, не падая. Он не знал, что падения никогда не кончатся. Но он вставал.

Сновидец спросил:

— Это вера?

— Это её начало, — сказал Голос. — Вера не требует гарантий. Она требует только одного: встать после падения. Каждый раз. Даже когда кажется, что силы кончились. Даже когда никто не видит. Даже когда сам не веришь.

7.

Перед пробуждением сновидец увидел свет. Один маленький огонёк вдалеке. Он не знал, что это — дом, звезда, фонарь или просто отражение. Но он пошёл на него. Шёл долго, устал, хотел лечь, но шёл. И когда он почти дошёл, свет погас. Он остановился. Посмотрел на пустоту. И вдруг понял, что свет был не там, куда он шёл. Свет был в нём самом.

Голос сказал последнее (и голос был как шёпот свечи, которая горит, потому что горит):

— Вера — это когда ты несёшь свет внутри, даже если сна-

ружи — ночь. Ты не ищешь доказательств. Ты просто идёшь, потому что свет есть. Он не от мира. Он от тебя.

8.

Он проснулся и первым делом посмотрел в окно. За окном был серый, хмурый день. Дождя не было, но не было и солнца. Он встал, умылся, сварил кофе. Ничего не изменилось. Но он почувствовал что-то тёплое в груди. Маленький огонёк. Он не знал, откуда он взялся. Он просто был. И этого было достаточно.

Он вышел на улицу. В подворотне сидел бездомный — тот самый, Саша. Сновидец достал из кармана яблоко, разломил пополам и протянул половину. Саша взял, посмотрел и спросил: «Ты всегда так делаешь?» Он ответил: «Нет. Но сегодня — да».

И они сидели, ели яблоко и молчали. И в этом молчании было больше веры, чем в любом храме.

Эпилог к вере

Теперь он не ищет ответов. Не ищет знаков. Не молит о чуде. Он просто встаёт утром, делает кофе, выходит на улицу, разламывает яблоко — и протягивает половину тому, кто рядом. Это не акт веры. Это сама вера. Которая живёт не в небе, а в ладонях.

Двадцать пятая легенда. О том, что держит, когда всё остальное отпускает.

Легенда про сон, где чудо измеряется количеством мгновений, когда ты забываешь, что чудес не бывает

(снилась тому, кто перестал удивляться, а потом увидел, как снег падает вверх)

1.

Луна в эту ночь была как расплавленное стекло — текучая, горячая, но уже застывающая на глазах. Сновидец стоял на краю обрыва. Внизу расстилалась долина, покрытая туманом. Он ждал. Он не знал чего — просто чувствовал, что должно произойти что-то, чего не может быть. И оно произошло. Снег пошёл вверх. Вверх, к небу, как будто земля выдыхала его обратно.

— Сегодня, — сказал Голос, и голос этот был как треск льда на реке, которая вот-вот тронется, — мы будем измерять то, что нельзя объяснить, но можно почувствовать. Чудо — это когда мир на секунду забывает свои собственные законы.

2.

Сновидцу показали женщину, которая ждала письма. Она ждала долго — месяц, два, год. Она уже перестала проверять ящик. Но однажды, проходя мимо, она открыла его — и там лежал конверт. Не от того, от кого она ждала. От того, кто умер десять лет назад. В конверте была фотография: они вдвоём на берегу моря, смеющиеся, счастливые. Она не знала, кто и когда положил её туда. Но она держала её в руках и плакала.

— Чудо первого рода, — сказал Голос. — То, которое приходит без причины. Не объяснимое. Не заслуженное.

Просто — как подарок от мира, который вдруг решает, что ты достоин улыбки.

3.

Потом ему показали человека, который не мог иметь детей. Он и его жена прошли через все обследования, все операции. Врачи развели руками. Они смирились. И однажды, спустя годы, жена проснулась с тошнотой. Тест показал две полоски. Дочь родилась здоровой, с глазами матери и улыбкой отца. И когда её спросили, как называли ребёнка, отец сказал: «Чудо». Она была просто Чудо.

— Чудо второго рода, — сказал Голос. — То, которое происходит вопреки. Врачи говорят «нет», мир говорит «нет», логика говорит «нет». А жизнь говорит «да». И это «да» становится самым громким словом в тишине.

4.

В третьем сне было пустое поле. Среди поля стоял старый дуб. Дуб был сухой, мёртвый, без единого листа. Сновидец подошёл к нему, положил руку на кору. Кора была тёплой. Он не знал, почему. Он просто постоял, потом пошёл дальше. Через неделю он снова прошёл мимо. На дубе был один маленький зелёный листок. Самый первый. Среди мёртвых ветвей.

Сновидец спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.